

СПИД как метафора

СЬЮЗЕН ЗОНТАГ (1933–2004)

Американская писательница, философ, культурный критик.

Ключевые слова: СПИД; метафора; нормы сексуального поведения; катастрофа; Африка.

В данном отрывке из книги «СПИД и его метафоры» Сьюзен Зонтаг рассматривает, как эпидемия СПИДа отразилась на образе жизни и нормах морали. При эпидемиях, растянутых на долгие годы, меры предосторожности из кратковременного вынужденного опыта становятся частью социальных нравов. До 1981 года успехи медицины в лечении болезней, передающихся половым путем, способствовали раскрепощению нравов. Пользуясь экономическими метафорами, Зонтаг называет этот период десятилетиями сексуальных трат, спекуляции и инфляции, тогда как после наступила сексуальная депрессия на ранней стадии. СПИД привел к возвращению страха перед сексуальностью. Если рак научил бояться загрязнения окружающей среды, то СПИД заставляет бояться загрязнения людей. Эпидемия СПИДа приводит к исчезновению многих светских идеалов, которые, по мнению Зонтаг, были тесно связаны со свободой. СПИД становится стимулом для воз-

вращения консерватизма в самых разных сферах. В частности, в искусстве он вынуждает отказаться от модернистских открытий и вернуться к тональности, мелодии, сюжету, персонажу и пр. Тем самым СПИД становится новым реализмом.

Далее Зонтаг останавливается на постколониальной проблематике, связанной с эпидемией СПИДа. Если бы СПИД был чисто африканской болезнью, несмотря на масштабы заболевания, его сочли бы «естественным» катаклизмом, подобным голоду. Но поскольку эпидемия затронула Запад, она перестала восприниматься в качестве естественного бедствия. В странах первого мира бедствия воспринимаются как часть истории, вызывающая важные общественные изменения, тогда как в азиатских и африканских странах они считаются частью общего природного цикла и оказываются ближе к естественным явлениям. Новая болезнь мало что поменяла в функционировании этой логики.

Одни не допускают мысли о существовании новых болезней, другие полагают, что многие старые болезни исчезли, и те, что считаются новыми, со временем тоже растворятся в небытии. Однако Милость Божья устроила так, что болезни, коих огромное множество, рассеяны по миру, а не обременяют одну страну: некоторые могут быть новыми в одних странах и старыми — в других. Открывая новые земли, мы открываем новые болезни... и если Азии, Африке и Америке предъявят свой Список, ящик Пандоры разбухнет, и это будет странным.

Сэр Томас Браун. Письмо к другу, написанное по случаю кончины его близкого друга

СПИД был впервые обнаружен в начале 1980-х годов, но вряд ли это новая болезнь. Более вероятно, вирус, являющийся возбудителем СПИДа, существовал достаточно долгое время, и не только на территории Африки, хотя болезнь лишь недавно достигла масштаба эпидемии (в Африке). Однако с общей точки зрения это новая болезнь, и медицина придерживается того же мнения: СПИД знаменует собой поворотный момент в отношении к болезни и медицине, равно как к сексуальности и катастрофе. На медицину принято было смотреть как на военную кампанию, ведущую от победы к победе и уже близкую к завершающей фазе. С появлением новой эпидемической болезни, притом что уже несколько десятилетий уверенно считалось, что подобные бедствия навсегда ушли в прошлое, статус медицины неизбежно изменился. С пришествием СПИДа стало ясно, что инфекционные заболевания далеко не побеждены и их перечень далеко не закрыт.

Медицина распустила нравы. Болезнь все вернула на круги своя. Благодаря контрацептивам и заверениям медиков, обеща-

Фрагмент книги, вышедшей в рамках совместной издательской программы издательства Ad Marginem и Музея современного искусства «Гараж»: *Сонтаг С. Болезнь как метафора / Пер. с англ. М. Дадяна, А. Соколинской. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2016. С. 153–175. Публикуется с любезного разрешения издательства Ad Marginem.*

ших с легкостью вылечить болезни, передающиеся половым путем (как и практически все инфекционные заболевания), на секс стало возможным смотреть как на приключение, остающееся без последствий. Теперь же СПИД понуждает людей воспринимать секс иначе, его последствия могут оказаться весьма неприятными и граничить с самоубийством. Или убийством. (В начале 1980-х в США сексуальность уже пытались представить как нечто опасное. Именно тогда был запущен пробный шар, паника на почве герпеса — в большинстве случаев герпес довольно отвратителен и совершенно незрочичен.) Страх перед СПИДом заставляет тех, кто стремится жить настоящим и строить планы на будущее, закрывать глаза на прошлое — на свой страх и риск. Секс больше не замыкает партнеров друг на друге, разве что на короткое время. Теперь это дело не только двоих, а цепочка, цепочка болезней из прошлого. «Помните, что, когда человек занимается сексом, он вступает в связь не только со своим партнером, но и со всеми его сексуальными партнерами за последние десять лет» — так звучит располагающее к себе гендерной неопределенностью заявление министра здравоохранения и социальных служб доктора Отиса Р. Боуэна, сделанное в 1987 году. СПИД дает понять, что все связи, за исключением долговременных и моногамных, беспорядочны (и, следовательно, опасны), а также являются отклонениями от нормы, ведь, если посмотреть со стороны, в гетеросексуальных отношениях всегда присутствует гомосексуальность.

Страх сексуальности — это новый, субсидируемый болезнью элемент вселенной страха, в которой теперь все живут. Ракофобия научила нас бояться загрязнения окружающей среды; ныне же нам приходится бояться загрязнения людей — так подсказывает сопряженная со СПИДом тревога. Страх перед чашей для причастия, страх перед операцией: страх зараженной крови, кому бы она ни принадлежала — Христу или вашему соседу. Жизнь — кровь, половые жидкости — сама по себе несет заражение. Эти жидкости потенциально летальны. Лучше держаться от них подальше. Люди хранят собственную кровь для будущего переливания. Модель альтруистического поведения, анонимная сдача крови, скомпрометировала себя, поскольку нельзя быть уверенным в чистоте крови, полученной анонимным путем. СПИД не только отрицательно сказывается на Америке, подпитывая страсть к нравочуждениям по поводу секса; он еще больше усиливает культуру эгоизма, того, что обычно превозносят как «индивидуализм». Эгоизм теперь получает дополнительные очки как обычная медицинская предосторожность.

Практика избегать контактов стала сопутствовать всем эпидемиям, включая те случаи, когда болезнь не передается половым путем и на больного не падает подозрение как на виновного. Во время пандемии инфлюэнцы в 1918–1919 годах — инфлюэнца очень заразна, она вызвана переносимым по воздуху вирусом (передаваемым через дыхательную систему) — людям советовали не пожимать друг другу руки, а при поцелуе прикладывать к губам носовой платок. Полицейским приказывали надевать марлевые повязки прежде, чем входить в дом, где находятся больные. Сегодня полицейские так же поступают, когда производят аресты в трущобных кварталах, поскольку СПИД в Америке стал в основном болезнью городских бедняков, черных и латиноамериканцев. Парикмахеры и зубные врачи носили маски и перчатки, совсем как нынешние стоматологи и стоматологи-гигиенисты. Однако великая эпидемия инфлюэнцы, убившая двадцать миллионов человек, длилась всего пятнадцать месяцев. Когда речь идет об эпидемиях, тянущихся долгие годы, подобные меры предосторожности начинают жить собственной жизнью. Они становятся частью социальных нравов, а не кратковременным вынужденным опытом, от которого потом отказываются.

Меры профилактики играют большую роль в человеческом сознании, когда у людей мало надежды на то, что медики своевременно изобретут нужные вакцины, а еще меньше на то, что они научатся лечить данную болезнь. Однако профилактические кампании наталкиваются на многие трудности, когда болезни передаются сексуальным путем. Американские кампании, ратующие за здоровый образ жизни, всегда неохотно давали информацию о безопасном сексе. «Американское руководство для школ», изданное в 1987 году Министерством образования, фактически отказывается обсуждать тему снижения риска и предлагает воздержание как лучший способ предохранения от СПИДа, тем самым напоминая лекции о целомудрии времен Первой мировой войны: солдатам внушалось, что это единственное средство спасения от сифилиса, а также часть их патриотического долга в борьбе с бошами¹. Разговоры о презервативах и одноразовых шприцах

1. У отказа давать рекомендации и советы, как уменьшить риск, есть другая сторона — это чувство, что подчинить свою сексуальную жизнь доктринам безопасности и осторожности может только человек, в котором не хватает мужественности. Фантазии Эрнеста Хемингуэя изложены им в «Смерти после полудня» (1932): «Сифилис был болезнью средневековых крестоносцев. Предполагалось, что именно они принесли его в Европу и что это болезнь людей, которые вели бесшабашную жизнь, мало

казались равносильными попустительству и подстрекательству к недозволенному сексу, а также употреблению запрещенных химических препаратов. (В какой-то степени так оно и есть. Сексуальное просвещение, помогающее уберечься от СПИДа, подразумевает признание сексуального чувства, а следовательно, и терпимое отношение к разнообразным его проявлениям.) Европейские общества, менее склонные к сексуальному лицемерию, вряд ли будут понуждать людей в качестве меры предосторожности придерживаться целомудрия. «Осторожно: СПИД!» и «СПИД. Не умирай из-за невежества». Смысл этих абстрактных посылов, несколько лет назад появившихся на рекламных щитах и в телерекламе Западной Европы, — пользуйтесь презервативами. Но у этих призывов быть осторожными, не прятать голову в песок есть и более широкое значение: они прокладывают путь такого рода социальной рекламе в Америке. Часть дела по придаче событию черт реальности — это его постоянное проговаривание. В данном случае постоянное проговаривание помогает осознать риск и внушает необходимость соблюдать осторожность. Оно предшествует конкретным рекомендациям и заменяет их.

Существует огромный разрыв между неиссякаемым официальным лицемерием и модой на разврат, установившейся в последние десятилетия. Точка зрения, что в передаваемых половым путем болезнях нет ничего серьезного, была особенно популярна в 1970-е годы — тогда же многие гомосексуалисты объединились и создали подобие этнической группы, их отличительной маркой стал сексуальный голод. Их клубы и другие места встреч превратились в систему сексуальных поставок, действующую с невероятной скоростью, эффективностью и размахом. Страх перед СПИДом заставил умерить аппетиты, и не только мужчин гомосексуальной ориентации. В США сексуальное поведение до 1981 года теперь представляется среднему классу как часть потерянного периода невинности — невинности под маской распутства. После двух десятилетий сексуальных трат, сексуальных спекуляций и сексуальной инфляции мы подошли к сексуальной депрессии на ранней стадии. Оглядываться назад на сексуальную куль-

заботясь о последствиях. Это несчастный случай на производстве, угрожающий всем тем, кто ведет беспорядочную сексуальную жизнь и в силу определенного склада ума полагается скорее на случай, чем на профилактику. Это ожидаемый конец, вернее, жизненная веха всех закоренелых прелюбодеев».

туру 1970-х — все равно что смотреть на эпоху джаза с точки зрения кризиса 1929 года.

Набор идей общества, в котором мы живем: «Потребляйте», «Растите», «Делайте что хотите», «Развлекайтесь». Сама работа экономической системы, наградившей нас этими беспрецедентными свободами в виде физической мобильности и стремления к материальному процветанию, зависит от настроения людей и от их способности бросать вызов ограничениям. Неумеренные аппетиты — марка времени. Идеология капитализма превращает всех нас в ценителей свободы — бесконечного расширения возможностей. Практически каждый вид пропаганды обещает в первую очередь увеличить свободу. Естественно, не любую свободу. В богатых странах свобода чаще всего отождествляется с «личными достижениями» — такой свободой наслаждаются или пользуются в одиночку (или как будто в одиночку). Отсюда большинство недавних дискуссий о теле и представлений о нем как об инструменте, подлежащем усовершенствованию с помощью разнообразных программ. Исходя из императивов, характерных для потребления и практически не ставящих под сомнение такую ценность, как самовыражение, сексуальность закономерно превращается для некоторых в потребительскую опцию: синоним свободы, возросшей мобильности и раздвижения границ. Сексуальность как развлечение, как рискованное предприятие — лишь в малой степени изобретение гомосексуальной субкультуры. Это продукт культуры капитализма, получивший также гарантию от медицины. Пришествие СПИДа изменило такое положение вещей, изменило безвозвратно.

Теперь люди, привыкшие к удовольствиям, слышат совершенно другие дополнительные послы, и все чаще их привлекают программы по управлению собой и выработке самодисциплины (диеты, гимнастики). Следите за аппетитом. Умейте позаботиться о себе. Сдерживайте эмоции. На снисхождении к аппетитам был поставлен крест, они ограничивались во имя здоровья или идеальной физической формы — это были добровольные границы, свободный акт. Из катастрофы СПИДа проистекает необходимость ограничений, принуждений для тела на случай реальной опасности. В ней также берет начало позитивное желание, желание упорядочить личную жизнь, ввести ее в стабильное русло. Сейчас мы чувствуем, как близится к концу старая эпоха, и СПИД усиливает эти ощущения; истощаются многие из чисто светских идеалов — идеалов, бывших питательной средой для разврата или по меньшей мере никак ему не препятствовавших, — опира-

ясь на которые мог бы быть дан ответ СПИДу. СПИД — это сти- мул, часть более широкого отрадного возвращения к тому, что понимается под «договоренностями», возвращение к форме тела и пейзажу, тональности и мелодии, сюжету и персонажу и проче- му, от чего с таким восторгом отказались в искусстве модернисты. Результаты отказа от беспорядочных сексуальных связей у сред- него класса, укрепления идеала моногамии, благоразумной сексу- альной жизни заметны, скажем, в Стокгольме, где случаи СПИДа крайне редки в отличие от Нью-Йорка, где болезнь приняла фор- му настоящей эпидемии. Ответ на СПИД, пусть отчасти и совер- шенно рациональный, подвергает сомнениям (пик этих настрое- ний пришелся на 1970-е годы) многие идеалы (и риски) просве- щенной современности; и новый сексуальный реализм сочетается с новым открытием радостей тональной музыки, живописи Бу- гр², карьеры банковского инвестора и церковных свадеб.

Растущая паника по поводу опасности, связанной с превраще- нием сексуальности в средство увеселения и коммерческий товар, скорее всего, не умерит других appetitov: в здание в Гамбурге, где до недавнего времени размещался Эротический центр, скоро за- селятся маленькие магазинчики. Обмен сексуальными партнера- ми приобретает продуманный характер. Рутинное потребление наркотиков как стимулятора умственной и речевой деятельно- сти (в 1970-е среди высшего среднего класса росло потребление кокаина) сыграло свою роль в затухании сексуальной спонтан- ности, весьма распространенной в это десятилетие среди обра- зованной прослойки, и в подготовке новой культуры воздержан- ния. Техника придумывала разные способы, как разбудить жела- ния и удержать их в безопасных рамках, насколько это возможно, перевести на ментальный уровень: коммерческий секс по теле- фону (во Франции по «Минитель») представляет собой вариант анонимного беспорядочного соития без обмена половыми жид- костями. Боязнь прямых контактов охватила и компьютерный мир. Компьютерным пользователям советуют смотреть на каж- дую новую программу как на «потенциального носителя» виру- сов. «Никогда не ставьте диск, не проверив его источник». Счи- тается, что выпущенные на рынок так называемые антивирусные программы предоставляют некоторую защиту, однако эксперты единогласно сходятся в том, что единственный надежный способ уберечься от компьютерных вирусов — это не пользоваться чу-

2. Адольф Вильям Бугро (1825–1905) — французский живописец, представи- тель салонного академизма XIX века. — *Прим. пер.*

жими программами и информацией. Предостережения потребителям всевозможных товаров и услуг, слова о том, что надо быть осторожными, больше думать о себе, могут стать новым витком в культуре потребления, поскольку эти тревоги в будущем выльются в дальнейшее преумножение товаров и услуг.

* * *

Особенно страшные эпидемии неизменно вызывают взрыв негодования и критику мягкотелости или терпимости. Теперь эти качества отождествляются с небрежностью, слабостью, беспорядком, разложением — нездоровьем. Сыплются требования подвергнуть людей повальному «тестированию», изолировать больных и подозреваемых в том, что они больны или заразны, оградить общество от иностранцев, воспринимаемых как реальные или воображаемые источники заразы. Общества с полувоенной административной системой вроде Китая (с незначительным количеством случаев заболеваний) или Кубы (с заметным числом больных) реагируют быстрее и жестче. СПИД — это всеобщий троянский конь. В 1988 году, за шесть месяцев до начала Олимпийских игр в Южной Корее, местные власти заявили, что все иностранные участники получают бесплатные презервативы. «Эта целиком и полностью иностранная болезнь, и единственный способ остановить ее распространение — это пресечь сексуальные контакты между индийцами и иностранцами», — провозгласил генеральный директор индийского правительственного Совета медицинских исследований, признав таким образом полную беззащитность перед СПИДом почти миллиардного населения, отсутствие специализированных оздоровительных центров и специально подготовленного медицинского персонала в больницах. Его предложение наложить запрет на секс, подкрепленное штрафами и тюремными сроками, не менее непрактично в качестве средства по обузданию болезней, передаваемых половым путем, чем более частые призывы установить карантин, то есть интернировать. Во время Первой мировой войны в лагеря для интернированных, за колючую проволоку, было посажено около тридцати тысяч американских женщин, проституток и женщин, подозреваемых в занятии проституцией. Заявленная цель — подставить под контроль распространение сифилиса среди армейских рекрутов — не была достигнута, поскольку эта мера никак не снизила темп заболеваемости среди военных. Точно так же заключение в лагеря во время Второй мировой войны американцев японского происхождения как потенциальных предателей и шпионов со всей вероятностью не предот-

вратило ни единого случая шпионажа или саботажа. Это не означает, что подобные предложения не прозвучат уже в наше время и что они не найдут поддержки, причем не только со стороны предсказуемой публики. Если медицинский истеблишмент на сегодняшний день являет собой бастион рассудительности и здравомыслия, отказываясь даже думать о карантине или лишении свободы, то это, возможно, отчасти из-за того, что масштаб кризиса пока еще ограничен и развитие болезни непредсказуемо.

Неуверенность, в какой степени распространится заболевание — насколько быстро и кого затронет, — по-прежнему присутствует в публичных дискуссиях о СПИДе. Останется ли он болезнью по преимуществу маргинального населения — так называемых групп риска и городской бедноты? Или со временем обретет черты классической пандемии, поражающей целые регионы? Обе точки зрения существуют независимо друг от друга. За залпом заявлений и статей, утверждавших, что СПИД угрожает всякому и каждому, последовал еще один залп статей, убеждавших, что это болезнь «их», а не «нас». В начале 1987 года министр здравоохранения и социальных служб США предсказал, что перед грядущей мировой эпидемией СПИДа «побледнеет» сама черная смерть — крупнейшая из зафиксированных эпидемий, скошившая от трети до половины населения Европы. А в конце года он сказал: «Эта эпидемия, несмотря на всеобщие страхи, не носит массового характера и широко не распространяется среди гетеросексуалов». Еще поразительнее циклического характера публичной дискуссии о СПИДе готовность обрисовать болезнь как катастрофу, влекущую за собой тяжелейшие последствия.

В США и Западной Европе крепнет уверенность в том, что «население» находится в безопасности. Правда, под «населением» вполне могут иметься в виду белые и гетеросексуалы. Известно, что процент больных СПИДом среди черных существенно выше, такая же диспропорция наблюдается в армии и тюрьмах. «Вирус СПИДа — разрушитель равных возможностей!» — под таким лозунгом недавно проводил кампанию по сбору средств Американский фонд исследований СПИДа. Пародия на «работодателя, предоставляющего равные возможности», эта фраза подсознательно подтверждает то, что она старается отрицать: СПИД — это болезнь, которая в этой части мира поражает меньшинства, расовые и сексуальные. Ошеломляющий прогноз сделала недавно Всемирная организация здравоохранения: несмотря на невероятно быстрый прогресс в области разработки вакцины, в ближайшие пять лет число больных СПИДом увеличится в десять–двадцать раз от-

носительно пяти последних лет. Из него вытекает, что бóльшую часть этих миллионов будут составлять африканцы.

СПИД стремительно превратился в мировое событие, обсуждаемое не только в Нью-Йорке, Париже, Рио-де-Жанейро и Киншасе, но и в Хельсинки, Буэнос-Айресе, Пекине и Сингапуре, — хотя он далеко не главная причина смертности в Африке, а тем более в мире. Есть знаменитые болезни, равно как и знаменитые страны, причем совсем не обязательно это лидеры по народонаселению. СПИД стал знаменитым не потому, что белые им тоже болеют, как на это с горечью указывают некоторые африканцы. Но, безусловно, правда состоит в следующем: будь СПИД чисто африканской болезнью, сколько бы миллионов от него ни погибло, мало кто за пределами Африки озаботился бы данным бедствием. Это было бы «естественным» катаклизмом вроде голода, который периодически опустошает бедные перенаселенные страны — люди из богатых стран при этом чувствуют себя абсолютно беспомощными. Но поскольку это мировое событие, то есть касающееся Запада, оно не воспринимается как просто естественная катастрофа. Оно наполнено историческим значением. (Самоопределение Европы и новых европейских стран построено на догмате о том, что в странах первого мира бедствия — это часть истории и несут с собой перемены, тогда как в бедных африканских и азиатских странах они являются частью некоего общего цикла и, следовательно, близки к природным проявлениям.) СПИД у всех на языке не потому, что, как полагают некоторые, первой жертвой болезни стала группа людей в богатых странах — практически одни мужчины, почти все белые, многие образованные, знающие, как вызвать общественный резонанс. Мы настолько хорошо осведомлены о СПИДе из-за его имиджа. Привилегированным слоям населения он видится моделью всех грядущих катастроф.

Прогнозы биологов и специалистов по здравоохранению намного хуже, чем это можно себе представить и чем общество (и экономика) может спокойно принять. Ни один ответственный чиновник не надеется, что африканские экономики и службы здравоохранения справятся с заболеванием и оно прекратит распространяться, меж тем как в США, стране с наибольшим количеством случаев заболеваний, ежедневно публикуются бешеные цифры — оценки стоимости борьбы со СПИДом. Приводятся ошеломительные суммы, выделенные на минимальную помощь людям, которые заболеют в ближайшие несколько лет. (И это при условии, что «население» успокоено и не волнуется, — допущение,

которое оспаривают многие в медицинском сообществе.) В Со-единенных Штатах, и не только в них, ведутся разговоры о чрезвычайном положении, «возможно, национальном выживании». Автор редакционных статей в *The New York Times* посетовал в прошлом году:

Все мы знаем правду, все до единого. Мы живем в эпоху чумы, какую еще не знала наша нация. Мы делаем вид, что угрозы не существует либо она существует только для других, и продолжаем жить как ни в чем не бывало...

Один французский плакат изображает гигантскую, похожую на летающую тарелку черную тучу, парящую в воздухе и светящую черными паучьими лучами на шестиугольник лежащей внизу страны. Над рисунком надпись: «От каждого из нас зависит, будет ли тень уничтожена» (*Il de/pends de chacun de nous d'effacer cette ombre*). И внизу: «Франция не хочет умирать от СПИДа» (*La France ne veut pas mourir de sida*). Подобные символические призывы к массовой мобилизации и борьбе с беспрецедентной угрозой периодически возникают в каждом обществе. Для современного общества также типично облекать требование мобилизоваться в самую общую форму, и реальный ответ не дотягивает до нужного уровня и не может противостоять катастрофе национального масштаба. Этот тип риторики живет своей собственной жизнью: он достигает целей, если просто тиражирует идеал объединения и коллективной деятельности, что в корне противоречит стремлению к накопительству и индивидуальным удовольствиям, предписанным гражданам современного массового общества.

На кону стоят выживание нации, цивилизации, самого мира — подобные декларации обычно предваряют разговоры о репрессиях. (Критическое положение требует драконовских мер и т. д.) Упоминание СПИДа сопровождается риторикой о конце света, которая обязательно заставляет перейти к этой теме. Однако это еще не все. Мы стоически, в онемении созерцаем катастрофу. Известный гарвардский историк науки Стивен Джей Гулд заявил, что пандемию СПИДа можно поставить в один ряд с ядерным оружием «как величайшую опасность нашей эры». Но даже если она убьет четверть человеческой расы, что, по словам Гулда, вполне вероятная перспектива, «нас еще останется очень много, и мы сумеем начать все сначала». Насмехаясь над сетованиями моралистов, рациональный и гуманный ученый предлагает минимальное утешение: апокалипсис, не имеющий смысла. СПИД — «естественный феномен», а не событие, несущее «мо-

ральную нагрузку», говорит Гүлд; «в его распространении не надо искать какого-либо тайного умысла». Разумеется, это чудовищно — приписывать смысл инфекционной болезни и видеть в ней моральное наказание. Но, возможно, не менее чудовищно хладнокровно созерцать смерть в таком ужасающем масштабе.

В наше время исполненные благих намерений публичные ораторы беспристрастно взирают на ту или иную опасность, способную привести к всемирной катастрофе. А теперь одной такой опасностью стало больше. К гибели океанов, озер и лесов, неконтролируемому росту населения в бедных частях мира, атомным катастрофам вроде Чернобыльской, уменьшению озонового слоя и озоновым дырам, угрозе ядерной конфронтации между сверхдержавами или ядерной атаки со стороны страны-изгоя, не контролируемой сверхдержавой, — ко всему этому теперь прибавляется СПИД. В последние годы перед концом тысячелетия рост апокалипсических настроений вполне закономерен. И все же размах фаталистических фантазий о СПИДе не может объясняться одним календарем и даже реальной опасностью, которую собой представляет болезнь. Тут необходим еще апокалипсический сценарий, специфический для «западного» общества и, возможно, даже в большей степени для Соединенных Штатов. (Америка, как выразился некто, это нация с церковью в душе — евангелической церковью, предрасположенной к объявлению радикальных завершений и совершенно новых начал.) Вкус к наихудшим сценариям отражает потребность справиться со страхом перед тем, что кажется неконтролируемым. Он также символизирует воображаемую причастность к бедствию. Ощущение гибели или заката культуры порождает желание полностью все изменить, начать с чистого листа. Естественно, никто не хочет прихода чумы. Зато это шанс начать все сначала. Начать сначала — это очень современно и к тому же очень по-американски.

СПИД можно было бы уподобить ядерному оружию, накопление которого несет с собой угрозу для здоровья и вообще жизни вплоть до тотального уничтожения. С обесцениванием апокалипсической риторики апокалипсис все чаще представляется чем-то малореальным. Неизменный современный сценарий: апокалипсис вырисовывается на горизонте... и не наступает. Однако по-прежнему его очертания виднеются где-то вдали. Кажется, мы мучительно переживаем один из современных видов апокалипсиса. Тот самый, который не происходит и чьи последствия неизвестны: ракеты кружат вокруг земли, летают над нашими головами, они несут ядерный заряд, способный множество раз уничто-

жить все живое, но (пока) катастрофы не случается. Происходят другие бедствия, которые (пока) не влекут за собой ужасающих последствий наподобие астрономического долга стран третьего мира, перенаселенности нашей планеты, упадка экологии. Все это происходит, но (нам говорят), что это еще не конец — как биржевой крах в октябре 1987 года, вроде бы аналогичный «краху» в октябре 1929 года и вместе с тем на него не похожий. Современный апокалипсис — это длинный сериал, не «Апокалипсис сегодня», а «Апокалипсис сегодня, завтра и так далее». Апокалипсис превратился в событие, происходящее и одновременно не происходящее. Вполне возможно, самые страшные события наподобие непоправимого разрушения окружающей среды уже произошли. Мы этого не знаем, поскольку изменились стандарты. А может, у нас нет правильных индикаторов для измерения катастрофы. Или просто это катастрофа замедленного действия. (Или нам так кажется, поскольку мы знаем о ней, можем ее предчувствовать, и теперь нам приходится ожидать ее прихода, чтобы подтвердить свои прогнозы.)

Современная жизнь приучает нас жить с сознанием того, что в мире периодически случаются чудовищные, невысказанные, но, как нам говорят, вполне вероятные бедствия. Все значительные события остаются в наших мыслях, и не только потому, что они запечатлены на фотографиях (хорошо знакомое дублирование реальности, начавшееся в 1839 году с изобретением фотокамеры). Помимо фотографической или электронной симуляции событий, существует также просчет их возможных последствий. Реальность раздвоилась — на реальную вещь и ее альтернативную версию. Есть само событие и его изображение. И есть само событие и его проекция. Но поскольку зачастую для людей реальные события не более реальны, чем их изображения, наша реакция на события ищет подтверждения в рационализированной сфере, с соответствующими выкладками, где само событие предстает в проецированной, окончательной форме.

Нашему веку присуща увлеченность футурологией — это отличительная черта эпохи и ее интеллектуальный недостаток. Точно так же увлеченность историей, по замечанию Ницше, изменила стиль мышления XIX века. Способность оценить будущую эволюцию явления — неизбежный побочный продукт более сложного (поддающегося количественному определению, эмпирически проверяемому) понимания процесса, как социального, так и научного. Умение с той или иной долей вероятности проецировать события на будущее расширило возможности, поскольку явилось но-

вым мощным источником предписаний, помогающих справиться с настоящим. Но взгляд в будущее, прежде связанный с видением линейного прогресса, превратился — с помощью гигантского объема знаний, о котором никто не мог и мечтать, — в видение катастрофы. Каждый процесс имеет некую перспективу и несет в себе предсказание, поддерживаемое статистикой. Скажем, количество сейчас... через три года, через пять лет, через десять лет и, разумеется, в конце века. Все, что в истории или природе может быть описано как подлежащее устойчивым изменениям, движется к катастрофе. (Либо стремится от малого к еще меньшему: затухание, упадок, энтропия. Либо присутствует в большем количестве, чем мы можем переварить: неконтролируемый рост.) Большая часть прогнозов экспертов укладывается в эту новую двусмысленную реальность, к двоякости которой мы уже привыкли из-за тотального дублирования всего посредством изображений. Это то, что происходит сегодня. И это то, что служит предзнаменованием: неизбежная, но пока еще не наступившая и малоощутимая катастрофа.

Вернее, два типа катастроф. И разрыв между ними, в котором барахтается воображение. Разница между эпидемией, которая у нас уже есть, и пандемией, которую нам обещают (статистические экстраполяции), воспринимается как разница между войнами, которые уже идут, так называемыми локальными войнами, и невообразимо более ужасными потенциальными войнами. Последние (со всеми приметами научной фантастики) принимают вид электронных игр, и в них любят играть люди ради развлечения. За реальной эпидемией с непреклонно увеличивающимися показателями смертности (национальные и международные органы здравоохранения еженедельно, ежемесячно публикуют статистику) маячит качественно иное и куда более масштабное бедствие — мы одновременно считаем, что оно наступит и не наступит. Ничего не меняется, когда самые ужасающие оценки временно пересматриваются в сторону ухудшения, что иногда свойственно умозрительным статистическим данным, распространяемым чиновниками от здравоохранения и журналистами. Демографические прогнозы, столь же неутешительные, как и мировые новости, возможно, грешат такой же неточностью.

Возникла масса пугающих фантазий (того, что мы не можем представить) на тему судного дня, и из-за этого люди начинают закрывать глаза на действительность. Так, в большинстве дискуссий, посвященных проблемам ядерного вооружения, быть рациональным (самоописание экспертов) означает не признавать чело-

веческую реальность, тогда как даже легкое сопереживание людям (чувствующим себя потенциальными жертвами) сопровождается выдвиганием нереалистических требований и призывами уничтожить опасность. Такой поведенческий раскол на бесчеловечное и чересчур человечное отношение проявляется куда менее остро, когда речь идет о СПИДе. Эксперты разоблачают стереотипы, приписываемые людям со СПИДом и континенту, считающемуся его родиной, подчеркивая, что болезнь затрагивает не только группы риска и Африку, но и остальное население, весь мир³. Поскольку СПИД, и это неудивительно, наряду с проказой и сифилисом оказался болезнью, несущей множество подспудных смыслов, побуждение заклеймить людей, страдающих этой болезнью, пока не находит открытого выхода. СПИД — идеальное вместилище для абстрактных страхов перед будущим, и отчасти по этой причине усилия пристегнуть его к группе девиантных личностей или черному континенту выглядят вполне предсказуемыми и безрезультатными.

Спровоцированный СПИДом кризис сродни последствиям загрязнения окружающей среды и новой системе глобальных финансовых рынков. Он свидетельствует о том, что в нашем мире важные явления впредь не могут иметь локальный, региональный, ограниченный характер. Все, способное перемещаться, пребывает в динамике, и проблемы имеют либо неизбежно приобретают мировой характер. Перемещаются товары (включая изображения, звуки и документы, перемещающиеся быстрее всего электрон-

3. «СПИД не может быть остановлен в отдельно взятой стране, он должен быть остановлен во всех странах», — заявил уходящий в отставку глава Всемирной организации здравоохранения в Женеве доктор Халфдан Махлер на Четвертой международной конференции по СПИДу (Стокгольм, июнь 1988 года), главной темой которой был глобальный характер сопряженного со СПИДом кризиса. «Эта эпидемия имеет мировой масштаб и не пощадит ни единого континента, — заметил доктор Вили Розенбом, французский специалист по СПИДу. — С этой болезнью нельзя справиться на Западе до тех пор, пока ей везде не будет поставлен заслон». С риторикой, звучащей на международной конференции и подразумевающей глобальную ответственность, явно контрастирует точка зрения (а она слышится все чаще), рассматривающая СПИД как своего рода дарвиновский тест, проверяющий общество на выживаемость. При таком подходе могут быть списаны со счетов целые страны, неспособные защитить себя. Немецкий специалист по СПИДу доктор Эйке Брижит Хельм заявил, что «мы видим, что в некоторых частях света СПИД коренным образом изменил структуру народонаселения. В частности, в Африке и Латинской Америке. Общество, не способное тем или иным путем предотвратить распространение СПИДа, имеет весьма плохие перспективы на будущее».

ным способом). Перемещается мусор: ядовитые промышленные отходы Сен-Этьена, Ганновера, Местре и Бристоля скапливаются в прибрежных городах Западной Африки. Перемещаются люди — в большем, чем когда-либо, количестве. Перемещаются болезни. Привилегированные беспрепятственно летают по воздуху, перемещаясь с континента на континент по делам или ради удовольствия. Те, у кого нет привилегий, перемещаются из деревней в города и — легально и нелегально — из одной страны в другую. Вся эта физическая мобильность и взаимосвязь (с сопутствующим растворением старых табу, социальных и сексуальных) так же жизненно необходима для функционирования передовой или мировой капиталистической экономики, как и циркуляция товаров, изображений и финансовых инструментов. Однако теперь эта интенсивная современная взаимосвязь в пространстве, не только личном, но и общественном, структурном, является носителем угрозы для здоровья, которую иногда описывают как опасность для выживания человечества. И страх перед СПИДом образует единое целое с другими бедствиями, представляющими собой побочные продукты передового общества, особенно теми, которые демонстрируют разрушение окружающей среды в мировом масштабе. СПИД — один из мрачных предвестников глобальной деревни, уже наступившего и постоянно маячащего перед нами будущего, от которого никто не знает, как отказаться.

Наше чувство реальности, наш гуманизм подвергаются настолько большому насилию, что даже ожидание апокалипсиса становится чем-то привычным, банальным. Страшным болезням вообще хочется казаться обыкновенными. Даже самые пугающие, «знаковые» недуги могут превратиться в просто болезнь. Подобное превращение претерпела проказа, хотя почти десять миллионов человек в мире, которых легко не принимать во внимание, поскольку практически все они проживают в Африке и на Индийском субконтиненте, страдают тем, что сейчас называется — для снижения градуса драматизации — болезнью Хансена (по имени норвежского врача, который век тому назад обнаружил бациллу). То же самое непременно произойдет и со СПИДом, когда болезнь будет более понятна и, главное, излечима. В настоящее время многое в индивидуальном опыте и социальной политике зависит от борьбы за риторическую собственность на болезнь: как ей пользуются, какими аргументами и клише оперируют для ее описания. Вековой, кажущийся неумолимым процесс, в соответствии с которым болезни приобретают значимость (становясь олицетворением глубочайших страхов) и налагают проклятия, не является

нерушимым, и надо относиться к нему соответственно. В современном мире, среди людей, желающих быть современными, доверие к нему минимально — так что процесс находится под надзором. Что до этой болезни, вызывающей стыд и огромное чувство вины, то в отделении ее от дополнительных смыслов, метафор есть нечто освобождающее, даже утешительное. Но от метафор нельзя дистанцироваться, просто их не употребляя. Они должны быть разоблачены, раскритикованы, разнесены в пух и прах.

Не все метафоры, применяемые к болезням и их лечению, одинаково отвратительны и уродливы. Больше всего мне бы хотелось, особенно после возникновения СПИДа, избавиться от метафор, берущих начало в военной науке. Их употребление в речи, медицинская модель общественного благополучия, по своим последствиям весьма опасно и губительно, поскольку не только безоговорочно оправдывает авторитаризм, но также подразумевает необходимость государственных репрессий и насилия (эквивалент хирургического вмешательства или борьбы с неправильными или «нездоровыми» элементами общества). Нельзя сказать, что милитаристский стиль мышления применительно к болезням и здоровью не имеет последствий. Он вызывает повышенную тревожность, искажает суть заболевания, превращает больных в отверженных, изгоев.

Ни медицина, ни война не должны быть «тотальными». Созданный СПИДом кризис тоже не назовешь всеобщим. На нас никто не нападает. Тело — это не поле боя. Больной — не неминуемая потеря и не враг. В любом случае мы — медицина, общество — не имеем ни малейшего права наносить ответный удар любыми средствами. Что до военной метафоры, то я бы сказала, перефразируя Лукреция: «Верните ее тем, кто ведет войны».

Библиография

Сонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2016.

AIDS AS A METAPHOR

SUSAN SONTAG (1933–2004). American writer, philosopher, cultural critic.

Keywords: AIDS; metaphor; sexual norms; disaster; Africa.

In this excerpt from the essay *AIDS and Its Metaphors* Susan Sontag considers how the AIDS epidemic has affected lifestyles and morality. When epidemics persist for many years, the precautions that had started out as briefly enforced precautions become a part of social morality. Until 1981 the successes of medicine in treating sexually transmitted diseases encouraged emancipation from sexual morals. Sontag uses economic metaphors to designate those decades as a period of sexual spending, speculation and inflation, after which the early stages of a sexual depression set in. AIDS caused fear of sexuality to return. If cancer has taught us to fear environmental pollution, AIDS triggered a fear of pollution through people. The AIDS epidemic led to the disappearance of many secular ideals, which Sontag regards as closely linked to freedom. AIDS provided an incentive for a resurgence of conservatism in many areas. Its effect on the arts in particular was to force a rejection of modernist discoveries and a return to tonality, melody, plot, character, etc. AIDS then becomes a new realism.

Sontag also addresses post-colonial issues related to the AIDS epidemic. If AIDS had been a purely African disease, notwithstanding the scale of the epidemic, it would have been considered a “natural” cataclysm similar to famine. But once the epidemic affected the West, it was no longer perceived as a natural disaster. In First World countries, disasters are understood as historical events which bring about important social change, while in Asian and African countries they are viewed as one part of a general cycle of nature and as something closer to natural phenomena. The new disease has changed very little in the operation of that logic.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-1-35-51

References

Sontag S. *Bolezn' kak metafora* [Illness as Metaphor], Moscow, Ad Marginem, Garage MCA, 2016.